

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ КИЧЕЕВ заерзал в кресле, плотнее усаживаясь. На сцене в это время появился атаман Хлопко. Это был самый настоящий атаман даже по внешнему виду. Как говорится, косая сажень в плечах. Огромные ручки, зычный голос, обвислые, атаманские усы, пылающий взгляд из-под нахмуренных лохматых бровей. Кичеев почти не следил за игрой актера. Да и игра его, правду сказать, была не ахти какая. Явно чувствовалась провинциальная школа. Кичеев внимательно изучал человека на сцене. Человека, которого мало знал лично, но был знаком с ним как с подающим надежды поэтом. Он приглядывался к этим громадным — не интеллигентским, а настоящим рабочим рукам. Рукам, которые могли держать хрупкое перо. Которые выводили на третьесортной бумаге ровные строчки, складывавшиеся в озорные, любопытные четверостишия. Этот громадный, жизнерадостный, разудалый человек, которому так подходила роль атамана, был начинающим автором зубоскальски веселого юмористического и сатирического журнала «Будильник». Журнал этот в 60-х годах издавался в Санкт-Петербурге. Потом перебрался в Москву. Где вскоре попал в руки оборотистого редактора Н. П. Кичеева... Спектакль театра А. А. Бренко «Шарь Борис» затянулся. Но вот и последняя сцена. Жидкие, снисходительные аплодисменты. И Кичеев вышел на свежий воздух — в уютный сад при театре в Петровском парке. Вскоре появился и актер. Он шумно подошел к столику Кичеева и пытливо взглянул на него совсем не атаманскими, добрыми и ласковыми глазами. «Ну, как? — спросил он весело и в то же время серьезно. — Каков атаман Хлопко? А?». Кичеев пробормotal что-то одобрительное. И в этот момент заметил человека, входившего в сад и присматривавшего себе столик. «Ба! — воскликнул Кичеев. — Видите, кто сюда завалился? Ах, да вы даже не знаете, что это знаменитый Пастухов? Как это — кто? Николай Иванович Пастухов, издатель новорожденного «Московского Листка». Сейчас я вас познакомлю. Николай Иванович, идите к нам! Сюда, вот сюда. Садитесь. И знакомьтесь — бывший провинциальный, а ныне и московский актер Владимир Алексеевич Гиляровский. Прошу любить и жаловать». Пастухов мельком взглянул на Гиляровского, удобно уселся на предложенный ему стул и деловито сказал: «Ты бы что-нибудь написал мне в «Листок». Театральные анекдоты, что ли...». «Эго я могу! — загалдел Гиляровский. — Я их много знаю». — «Ну и пиши», — сказал Пастухов. И, докурив сигару, раскланялся. Так вот, в теплый московский вечер неожиданно для своих друзей и, главное, для самого себя Владимир Алексеевич Гиляровский стал репортером.

ПРОШЛА всего пара недель со дня знакомства Гиляровского с Пастуховым, как издатель «Московского Листка» заехал за ним на извозчике. «Ну, батенька, пора тебя вводить в курс дела, — сказал Пастухов. — Садись рядом со мной и поедом. Мы с тобой сейчас побываем в самых что ни на есть значных местах Москвы. Познакомлю тебя с людьми, кои очень интересны для моей газеты».

Из поднебесных особняков великосветского общества они спускались в низины трущоб и притонов. Но для Гиляровского эта поездка была не только хорошим знакомством с московской жизнью. Опыта в этой области у него тоже было предостаточно. Поездка эта стала его начальной

школой журналистики того времени. Когда, посетив чей-то дом, трактир или коллежку, ученик и учитель снова усаживались в пролетку, Пастухов говорил без умолку. «Нужные тебе сведения, Гиляй, следует добывать, как старатель золото ищет. Довко надобно задавать умелье, вроде бы ничего не значащие вопросы. Выпытывать, выпрашивать у всех встречных и поперечных нужные тебе и газете факты. Научиться надобно также с первого же взгляда распознавать человека и точно, в двух-трех словах, непровержимо характеризовать его в репортаже. Нужно знать, Гиляй, всю московскую администрацию — от генерал-губернатора до последнего городского. Знать о них все — кто что думает, кто чего хочет, кто чем ды-

претили всякую информацию о жертвах на пожаре. Долго мыкался Гиляровский по московским и местным начальникам. Долго уговаривал докторов — поделиться информацией. Но все бесполезно. В поисках квартального он пошел на Орехово-Зуевский вокзал. А по дороге столкнулся с местным полицейским. Полничейский, оглядев костюм и манеры Гиляровского, принял его за сотрудника сысского отдела. Гиляровский это заметил и несколькими туманными фразами укрепил его в этом мнении. И полицейский выложил ему всю правду-матку о пожаре, думая, что перед ним начальство. Вернувшись в Москву поздней ночью, Гиляровский написал репортаж. Спустя два дня сам генерал-губернатор Москвы князь В. А. Долгоруков вызвал Н. И. Пастухова к себе. Разговор предстал тяжелый. Да вырчил начальник секретного отделения П. М. Пелетминский — давний приятель Пастухова. «Ну, заварил ты кашу, Гиляй, — весело выговаривал Ги-

ляровский услышал голоса: «Это здесь, ваше превосходительство. Вся ночь был страшный ливень. Вырвало всю насыпь, и поезд рухнул. Никто, кажется, не спасся...». Голоса затихли. Гиляровский осторожно открутил ремень и стремглав высочил из вагона. Глазом его открылась страшная картина. Огромный обвраг пересекла узкая насыпь полотна дороги, прорванная на большом пространстве и заваленная обломками вагонов. Страшный ночной ливень вырвал чугунную трубу под насыпью и образовал громадную подземную пещеру, в которую и рухнул поезд. Это была 296-я верста от Москвы, вблизи деревни Кукуевка. Ранним утром следующего дня Гиляровский дал в «Московский Листок» первую телеграмму о «кукуевской катастрофе». Телеграмма эта взволновала весь город. Корреспонденты других газет прибыли лишь через двое суток. И сообщения Гиляровского были единственными в мире описаниями очевидца с места катастрофы. И не только очевидца, но и непосредственного участника спасательных работ.

Но был один-единственный случай, когда дядя Гиляй подвел свою газету. Но подвел ее по-своему, по-гиляровски. Н. И. Пастухов обратил внимание своего нового, прыткого репортера на афишу. В ней сообщалось, что «воздухоплаватель Берг сегодня, 3 сентября 1882 г., в 7 часов вечера совершит полет на воздушном шаре с пустопорожного места Мошинина в Каретном ряду. За вход 30 коп., сидаче место — 1 руб.». Гиляровский был командирован редакцией описать полет. Но зря Пастухов прождал Гиляя весь вечер и полночи. Репортер как в воду канул. Так и вышел «Московский Листок» 4 сентября без описания подъема Берга на воздушном шаре. Это была единственная газета в Москве, которая так оплошала. Пастухов был в ярости, когда утром следующего дня появились усталый, невыспавшийся и... торжествующий Гиляровский! Что же произошло? Когда публича наполнила весь пустырь, а небольшой серый шар, нагретый горячим воздухом, рвался в небо, с трудом удерживаемый десятком пожарных и рабочих, Гиляровский пробился сквозь толпу к старичку-немцу Бергу, собирався взять у него интервью. Но Берг был в страшном расстройстве. Его помощник и спутник по полету некто Стеланов был вдрезыг пьян и упрямо твердил, что «ему своя голова дорога и на такой тропке он не полетит». «Кто хочит летайт, иди!» — вскричал отчаявшийся Берг. «Я», — шепнул Гиляровский и, не думая о последствиях, влез в ветхую, круглую корзину, сооруженную из досок от бочек и толстых веревок. «Пускай!» — крикнул обрадованный Берг, прыгая в корзину вслед за Гиляровским. И не успел бравадный репортер опомниться, как шар рванулся в небо...

ТАК начинал сто лет назад свой долгий и головокружительный журналистский путь будущий «король репортажа» Владимир Алексеевич Гиляровский. В полную силу развернулся он позднее, когда перешел в либеральную, серьезную газету «Русские Ведомости». Впереди были сотни заметок, статей, репортажей в десятках газет Москвы и Санкт-Петербурга. Впереди была нашумевшая и запрещенная царской цензурой книга «Трущобные люди». И широко известная ныне книга В. А. Гиляровского «Москва и москвичи».

Вадим МАРИН.

ДЯДЯ ГИЛЯЙ

Выпуск № 9 (68)

шит. Ради какого-нибудь удавленного порного в Рогожской али пожара в Марьиной роще ты, Гиляй, должен, не щадя сил, ног и здоровья, обегать, если надо, десятки верст. И все — пешком. Так виднее, да и полезнее. Надобно тебе, Гиляй, научиться чутьем угадывать — где правда, а где ложь. Из всего, из самой безграмотной чепухи умей извлекать интересное и полезное для газеты. Репортаж, это — главное в газете. А почему? Да потому, что весь интерес газеты строится на быстроте сообщений, верности факта, образности и яркости изложения. Для добычи нужного факта, Гиляй, на все идти должно».

Гиляровский впитывал эти слова с добросовестностью первого ученика. И, постигнув азы, уже в конце мая 1882 г. серьезно занялся репортажем. А к сентябрю того же года был известен в журналистском кругу и среди читателей «Московского Листка» несколькими удачными репортажами. Расскажу вкратце историю трех из них, как пример журналистской хватки молодого «Дяди Гиляя».

28 МАЯ 1882 г. в Орехово-Зуеве на фабрике братьев Видулы и Тимофея Морозовых случился по вине хозяев пожар. В грудях обломков и пепла было найдено 11 трупов. 17 человек умерли от ожогов в больнице. Орехово-зуевские рабочие были возмущены. Но власти под давлением фабрикантов Морозовых за-

ляровскому Пастухов. — Сидеть бы тебе в пересыльной. Ведь фабричные после твоей статьи взбунтовались... Ну, да ладно. На сей раз вывернулись. А ты не бойся. Пиши так и дальше».

Второй эпизод произошел ровно месяц спустя — 28 июня 1882 г. И опять помог случай. В компании друзей Гиляровского оказался управляющий Московско-Курской железной дорогой Константин Иванович Шестаков. Среди ночи, ближе к утру, вбежал в комнату курьер с вокзала. Он был бледен, руки его тряслись. «Несчастье! — выкрикнул он. — Под Орлом московский поезд провалился под землю! Нужно послать туда экстренный состав». Все заохало, заговорили разом. А Гиляровский незаметно проскользнул в прихожую, накинул пальто, схватил шляпу и высочил на улицу. И спустя несколько минут был около Курского вокзала. На привокзальной площади толпилось полупроснувшееся, взволнованное железнодорожное начальство. Гиляровский задними дворами пробрался к платформе со стороны рельсов. У платформы уже стоял экстренный поезд — два вагона третьего класса впереди и три зеркальных, министерских зади. Не зная еще, как проникнуть в экстренный поезд, Гиляровский спрятался под вагон соседнего состава. Он слышал громкий голос начальника станции Игнатова: «Около Мценска, говорят, весь поезд погиб... телеграмма ужасная... Сейчас дам отход, прошу садиться, господа». Гиляровский вскочил на подножку второго министерского вагона с обратной стороны. Дверь, к счастью, была не заперта. Он первым нырнул в тамбур и тотчас же заперся в туалете, привернув ручку двери брючным ремнем так, что открыть ее снаружи было невозможно. Наконец поезд прибыл на место происшествия. Ги-